

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Л. В. Майорова

Сибирский федеральный университет
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института
кандидат юридических наук
lvmaiorova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы провокации преступлений со стороны правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в ходе расследования уголовных дел. Анализируется понятие «правомерная провокация» на основе практики Верховного Суда ФРГ и, которое отсутствует в российском законодательстве.

Ключевые слова: провокация, оперативно-розыскная деятельность, оперативный эксперимент, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Abstract: Article is devoted to the analysis of a problem of provocation of crimes from law enforcement agencies at implementation of operational search activity during the investigation of criminal cases. The concept "lawful provocation" on the basis of practice of the Supreme Court of Germany and which is absent in the Russian legislation is analyzed.

Keywords: provocation, operational search activity, operational experiment, results of operational search activity.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности.

В данной статье рассматривается вопрос о понятии провокации преступления и границах допустимой деятельности при раскрытии и расследовании преступлений правоохранительными органами.

Значительное количество рассматриваемых в судах уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в преступлениях коррупционного характера, возбуждается в результате оперативно-розыскных мероприятий — преимущественно оперативного эксперимента или проверочной закупки. И каждый раз, когда в качестве доказательств по уголовному делу используются результаты оперативно-розыскной деятельности, перед органами предварительного расследования и судами возникает вопрос о возможности использования этих результатов в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и на предмет отсутствия провокации преступления.

Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов при осуществлении уголовного судопроизводства была и остается актуальной проблемой для любого государства.

Стоит отметить, что в отличие от США и Германии, в российской судебной практике действия правоохранительных органов по провокации преступлений всегда расцениваются как неправомерные, то есть понятие «правомерная провокация» в российском законодательстве отсутствует.

Рассматривая практику Верховного суда ФРГ, можно сделать вывод, что Верховный суд ФРГ выделяет допустимую форму провокации и недопустимые формы провокации — провокацию, нарушающую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская Конвенция), и провокацию, являющую собой крайнюю степень нарушения принципов правового государства.

Доктринально допустимой в Германии провокация признается: 1) если использование доверенного лица, основано на достаточном подозрении, согласно требованиям § 152 абз. 2, 160 УПК ФРГ (то есть, необходимом для начала уголовного преследования в отношении определенного лица для решения вопроса о возбуждении публич-

ного обвинения в отношении него прокурором); 2) подозреваемое лицо уже совершило преступление или имеет решимость к совершению будущего преступления; 3) поведение сотрудников правоохранительных органов направлено только на конкретизацию уже имеющегося умысла на совершение преступления, а затем на его прерывание.

Предъявляемые Европейским судом по правам человека (далее — Европейский суд) претензии, в том числе, и к Российской Федерации касаются не только методов проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий, в первую очередь, проверочной закупки и оперативного эксперимента, но и организационных форм их проведения. В частности, Европейский суд указывает на необходимость установления ясной процедуры не только по осуществлению следственных мероприятий, но и по обеспечению специального контроля с целью обеспечения добросовестности со стороны органов государственной власти и соблюдения законных целей со стороны правоохранительных органов [1], [2].

Типичные правонарушения сотрудников оперативных подразделений, совершаемые в ходе осуществления оперативно — розыскной деятельности (далее — ОРД):

1) *Проведение оперативного эксперимента при отсутствии необходимых для этого оснований*

Ключевое значение в оценке законности оперативного эксперимента имеет установление наличия оснований для его проведения, к числу которых часть первая статьи 7 Закона об оперативно — розыскной деятельности (далее — Закон об ОРД) относит, в том числе, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. К сожалению, ни закон, ни подзаконные (ведомственные) нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику оперативно — розыскных мероприятий (далее — ОРМ), не раскрывают и каким-либо образом не детализируют понятие сведений о признаках преступного поведения, которые можно признать достаточными для принятия решения о проведении оперативного эксперимента, и не определяет их источники, а потому содержание этого понятия требует своего конкретного определения. Сотрудники оперативных подразделений должны принять все возможные меры к тому, чтобы собрать убедительную информацию, позволяющую сделать вывод о том, что конкретное должностное лицо занимается получением взяток или имеет намерение их получения. Основной задачей оперативного эксперимента в этой ситуации будет, скорее, не проверка имеющейся информации, а ее реализация, например, включающая задержание взяткополучателя при получении взятки.

2) *Проведение оперативного эксперимента на основании недостоверной или непроверенной информации*

Отличие этого правонарушения от рассмотренного ранее заключается в том, что в последнем случае информация, являющаяся основанием для проведения оперативного эксперимента, формально присутствует, однако не подтверждается в последующем в ходе следствия или судебного разбирательства.

В оперативно-розыскной практике первичные сведения о признаках коррупционных преступлений, как правило, поступают из двух основных источников: либо от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, либо от граждан, ставших объектом вымогательства взятки.

Проверка сведений, полученных из негласных источников, весьма затруднена, поскольку в соответствии с Законом об ОРД такие источники не могут быть раскрыты без их согласия, а потому не могут быть допрошены в качестве свидетелей по уголовному делу. В связи с этим суды весьма серьезно и неоднозначно относятся к оценке достаточности информации, полученной из конфиденциальных источников и послужившей основанием для проведения оперативного эксперимента.

В своих решениях Европейский суд неоднократно указывал на то, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод не препятствует использованию на стадии предварительного расследования, если этого требует характер преступления, таких источников, как анонимные информаторы. Но, в делах, в которых основное доказательство получено в результате негласной операции, власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия и располагали конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имеет место приготовление для совершения действий, составляющих преступление, за которое заявитель в дальнейшем преследуется, и любая используемая властями информация должна подвергаться проверке [3].

3) Проведение оперативного эксперимента без соответствующего постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД

Вызывает большие сомнения и законность проведения на основании одного постановления такого оперативного эксперимента, в ходе которого предмет взятки проходит через цепочку нескольких посредников, каждому из которых предлагается оказать содействие правоохранительному органу. Такого рода действия представляют собой ряд самостоятельных, хотя и взаимосвязанных оперативных экспериментов, а потому требуют получения разрешения уполномоченного руководителя на всю последовательность действий путем вынесения отдельных постановлений. В порядке исключения можно допустить разрешать такие действия в одном постановлении при условии, что в нем будет описан каждый планируемый эпизод реализации общего замысла.

4) Неправильное понимание сущности правомерного проведения оперативного эксперимента

Необходимо отметить существенный недостаток правового регулирования оперативного эксперимента — отсутствие в Законе об ОРД определения данного ОРМ, которое раскрывало бы его содержание и делало единообразным его применение всеми субъектами ОРД.

Следует отметить, что согласно модельному закону СНГ «Об ОРД» под оперативным экспериментом понимается искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью вызвать определенное событие либо воспроизведение события или проведение определенных опытов в полностью управляемых условиях и под контролем органов, осуществляющих ОРД, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без уведомления его об участии в ОРМ.

5) Совершение провоцирующих действий

Следует отметить, что одним из недостатков правового регулирования оперативного эксперимента является отсутствие в законе объективных критериев разграничения правомерных действий при его осуществлении от уголовно-наказуемых деяний: провокации взятки (ст. 304 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Необходимо отметить правовые позиции Европейского суда по вопросу об отграничении провокации совершения преступления от правомерного оперативно-розыскного мероприятия, выраженные в постановлении от 04.11.2010 «По делу Банникова (Bannikova) против России» (жалоба № 18757/06). Следует отметить, что в данном постановлении Европейский суд фактически подвел соответствующий итог формулирования критериев провокации, объединив их в одном постановлении и дополнив примерами их практического использования [4].

Отграничивая провокацию от допустимого поведения, Европейский суд дал определение, согласно которому «полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое

в противном случае не было бы совершено, с тем, чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело...».

Литература

1. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Люди против Швейцарии» (Ludi vs. Switzerland) // СПС «Консультант Плюс» <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 20.04.2017).
2. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Класс и другие против Германии» (Klass and Others vs. Germany) // СПС «Консультант Плюс» <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 20.04.17).
3. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Носко и Нефедов против России» от 30.10.2014. Жалобы № 5753/09 и № 11789/10 // СПС «Консультант Плюс» <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 20.04.2017).
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 04.11.2010 по делу «Банников (Bannikov) против России» (жалоба № 18757/06) // СПС «Консультант Плюс» (<http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 20.04.2017).

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ В ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ

И. В. Матвеев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ» (НГУЭУ)

старший преподаватель кафедры уголовного права и национальной безопасности

И. В. Муза

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета (НЮИ (ф) ТГУ)

магистрант

irishamuza@bk.ru

Аннотация: В статье на основе анализа научной литературы и правоприменительной практики рассматриваются проблемы уголовно-правовой квалификации вовлечения в занятие проституцией. Автором предложены собственные определения «проституции», «вовлечения в занятие проституцией» и «принуждение к продолжению занятия проституцией». Рассматривается вопрос о разграничении составов смежных преступлений, а также возможные пути совершенствования законодательства в сфере противодействия проституции.

Ключевые слова: проституция, сексуальная эксплуатация, организованная преступность, вовлечение в занятие проституцией, принуждение к продолжению занятия проституцией.

Abstract: In the article, based on the analysis of scientific literature and law enforcement practice, the problems of criminal law qualifications of engaging in prostitution are considered. The author has proposed her own definitions of “prostitution”, “involvement in prostitution” and “forcing to continue prostitution”. The question of the delimitation of the composition of related crimes, as well as possible ways to improve the legislation in the fight against prostitution, is being considered.

Keywords: prostitution, sexual exploitation, organized criminality, involvement in prostitution, forced prostitution.

Конституция Российской Федерации провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2), а также гарантирует, что «каждый име-